

АННА
БИГСИ

ВЕРНУТЬ НЕЛЬЗЯ,
ЗАБЫТЬ
НЕВОЗМОЖНО

Анна Бигси

**Вернуть нельзя,
забыть невозможно**

«Анна Бигси»

2022

Бигси А.

Вернуть нельзя, забыть невозможно / А. Бигси — «Анна Бигси»,
2022

– Твой муж погиб. Мне очень жаль... Мир разлетается на миллионы осколков. – Тело еще не нашли, но... – Значит, еще ничего не ясно? – перехватываю недоуменный взгляд Павла. – Вик... – он отрицательно качает головой, но меня уже не переубедить. – Это же значит он не погиб! – упрямо цепляюсь за последнюю соломинку. – Это значит пропал без вести! – Я был там... Авиакатастрофа. Никто не уцелел. Нет, нет и еще раз нет! Я не согласна! Это мой муж. Он просто не может погибнуть! У нас скоро родится сын. Ведь он так хотел сына, а я даже не успела ему рассказать об этом. – Этого не может быть, слышишь! Не может! – кричу отчаянно и захлебываюсь слезами. – Ванечка жив. Я чувствую это. И он вернется ко мне!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Анна Бигси

Вернуть нельзя, забыть невозможно

Пролог Виктория

С момента звонка спецслужб время как будто остановилось. Замерло в одной точке и не желает двигаться. Хотя прошло часа три, не меньше. Новостей нет. Какой-то информационный вакуум. Или просто мне ничего не говорят. Единственное, что я знаю – что самолет, в котором летел мой муж, пропал с радаров. А дальше сплошная и непроглядная неизвестность... она пугает, наверное, больше чем смерть. Хотя и дает слабую надежду.

Господи, я даже не представляю, что будет, если Ивана не станет. Я так люблю его... не смогу жить без него. Не хочу думать об этом, гоню от себя дурные мысли. Но они, словно стая волков, постоянно догоняют и грызут меня.

Мечусь по пустому дому, словно зверь в клетке, и тихонько подвываю. На душе тяжело и больно, сердце бьется медленно и как-то натужно. Изю всех сил стараюсь держаться, чтобы не скатиться в истерику. Мне нельзя волноваться, это может навредить ребенку, что я ношу под сердцем. Пусть срок совсем маленький, но именно на нем чаще всего случается выкидыш. Да и дочка скоро вернется из школы, нельзя, чтобы моя нервозность передалась ей. Ведь пока еще ничего не ясно. Отсутствие плохих новостей – это же тоже хорошо...

Трель дверного звонка разрезает звенящую тишину. Чашка из рук летит на пол и разбивается на множество осколков. Сердце вздрагивает в груди и ухает куда-то вниз. Нехорошее предчувствие расплзается по внутренностям, подобно лесному пожару. Понимаю, что сейчас все узнаю, но не хочу этого. Лучше останусь в счастливом неведении и буду терпеливо ждать. Боже, пожалуйста, не отнимай у меня надежду...

Звонок настойчиво повторяется. С большим трудом беру себя в руки и на негнущихся ногах иду к двери. Набираю в легкие побольше воздуха и открываю замок.

На пороге стоит брат моего мужа Павел. На нем лица нет, бледный, как полотно, а под глазами темные круги.

– Прости, я только с самолета и сразу к тебе, – виновато улыбается, а в глазах столько боли, что у меня сжимается сердце и перехватывает дыхание.

– Есть новости? – Мой голос кажется чужим и звучит неестественно.

– Боюсь они тебе не понравятся, – отводит взгляд, но я без слов уже понимаю, что все плохо.

– Проходи.

Ухожу на кухню, наливаю стакан воды и залпом его осушаю. Не готова я к его новостям. Да разве можно к такому подготовиться? Несколько секунд – и решится судьба, точнее, жизнь под откос...

– Вик... – слышу голос Павла, зажмуриваюсь и внутренне сжимаюсь, готовясь выдержать сокрушительный удар.

– Говори, – хриплю из последних сил и цепляюсь за стол обеими руками, чтобы устоять. Голова кружится, а ноги становятся ватными.

– Твой муж погиб. Мне очень жаль...

Мир разлетается на миллионы осколков, которые проходят сквозь меня, нанося не совместимые с жизнью ранения. По щеке катится ледяная слеза. Пытаюсь сделать вдох, но лишь открываю рот, как рыба. Внутри все сжимается от боли, а сердце качает кровь вхолостую.

– Тело еще не нашли, но...

Каждое слово попадает в цель, зажигая во мне надежду. Облегчение прокатывается по телу оглушительной волной, заставляя содрогнуться каждую клеточку.

– Значит, еще ничего не ясно? – оборачиваюсь и перехватываю недоуменный взгляд Павла.

– Вик... – Он отрицательно качает головой, но меня уже не переубедить.

– Это значит, он не погиб! – упрямо цепляюсь за последнюю соломинку. – Это значит – пропал без вести!

– Я был там... – Павел нервно сглатывает и трет лицо ладонями. – Такое месиво. Никто не уцелел.

Нет, нет и еще раз нет! Я не согласна! Я не хочу! Это мой муж. Он просто не может погибнуть! У нас скоро родится сын. Ведь он так хотел сына, а я даже не успела ему рассказать об этом. Готовила сюрприз к возвращению.

– Этого не может быть, слышишь?! Не может! – кричу отчаянно и захлебываюсь слезами. – Ванечка жив. Я чувствую это, – прижимаю ладонь к груди в области сердца и чувствую, как оно неистово бьется. – И он вернется ко мне!

– Вик, успокойся. – Павел делает ко мне пару шагов, но я решительно останавливаю его.

– Я спокойна. Я совершенно спокойна, – начинаю расхаживать из стороны в сторону и напряженно думать. – Но надо же что-то делать. Надо искать.

– Кого? – озадаченно смотрит на меня.

– Ивана. У меня есть деньги. Помогите найти спасателей, которые справятся.

– Я найду. – Павел перехватывает меня не пол пути и прижимает к себе. – Я тебе обещаю, что сделаю все, что в моих силах...

– Спасибо, – судорожно всхлипываю и утыкаюсь в его грудь, наконец ослабляя контроль и давая волю слезам.

Паша не возражает. Просто гладит меня по спине, давая выплакаться. А я не знаю, что мне делать дальше, чтобы не сойти с ума. Хочется верить в лучшее. Ведь все всегда заканчивается хорошо. Если сейчас плохо, значит, еще не конец...

Глава 1

Иван

Грудь сдавливает, а меня словно выталкивает вверх из-под толщи воды. Дышу часто и рвано и морщусь от боли во всем теле. Болит каждый сантиметр. Как-будто меня перемололо в мясорубке и выплюнуло.

Голова кружится, и немного мутит. Слышу какие-то звуки вокруг, но не понимаю, что это. Дикая слабость сковывает так, что не могу даже пошевелиться. С большим трудом разлепляю веки и пытаюсь понять, где нахожусь. Все какое-то темное, ветхое и жуткое. Избушка на курьих ножках прямо. Что это за нафиг? Как я здесь оказался?

Пытаюсь поднять голову, но боль сдавливает виски с такой силой, что не выдерживаю и со стоном отпускаю обратно. Пробую сфокусировать взгляд, но тщетно – картинка плывет, сливаясь в одно безобразное пятно, и мутить начинает сильнее. Вновь закрываю глаза и дышу глубже через нос.

– Очнулся наконец. – Скрипучий голос раздается откуда-то сбоку, но я не могу даже повернуть голову. Распахиваю веки и вздрагиваю всем телом, увидев вблизи морщинистое лицо какой-то бабки. Зажмуриваюсь от ужаса и боли, пронзающей каждую мышцу. Очень надеюсь, что мне привиделось.

Опасливо приоткрываю глаза и облегченно выдыхаю. Никакой Бабы-Яги нет. Привидится же такое.

– Раз в себя пришел – может, и выживешь, – вновь слышу этого голос и титаническим усилием воли заставляю себя повернуться. Неподалеку стоит стол, заставленный какими-то баночками, и небольшого роста старушка ловко перебирает их. Что-то смешивает в большой кружке и недовольно ворчит себе под нос. – Надоело до чертиков тебя выхаживать.

Все интереснее... но я не помню ее. А самое стремное, что я не помню себя. Сказка какая-то, причем совсем не добрая.

– Кто вы? – хриплю и совершенно не узнаю свой голос.

– Анисья, – отмахивается бабка, но мне это ни о чем не говорит. Но не Яга, что уже неоспоримый плюс.

– Исчерпывающе...

– Какая тебе разница? – фыркает она. – Скажи спасибо, не околочулся.

– Спасибо, конечно... А я хоть кто?

– Понятия не имею. – Анисья пожимает плечами и протягивает мне кружку с дымящимся напитком странного цвета. – На вот, выпей лучше.

Благоразумно решаю не спорить и делаю глоток. Мерзкая жижа попадает в рот, обжигает и вызывает тошноту.

– Какая гадость, – неприятно морщусь от вкуса и запаха. – Что это?

– Сколько от тебя ненужных вопросов, – хмурится бабка, отчего ее лицо становится еще более сморщенным. – Пей молча!

Вдыхаю побольше воздуха, задерживаю дыхание и мужественно вливаю в себя это горькое и вонючее нечто. Желудок недовольно урчит, но больше не пытается выплюнуть эту гадость.

– Вот и славно. Глядишь, и правда очухаешься. – Анисья окидывает меня каким-то странным взглядом и забирает кружку. – Я-то уж думала все...

Очень жизнеутверждающе. Да и вообще старушка такая «позитивная».

Через пару минут чувствую, как боль немного отступает. Пробую пошевелить руками и ногами – получается. Значит, цел. Уже неплохо. Осталось только выяснить подробности. Раз больше вариантов нет, придется пытаться бабку.

– Как я здесь оказался? – кричу ей. – Да и где здесь?

– Внучка моя, Настюшка, привезла на санках, когда за хворостом ходила. Откуда – знать не знаю. Да и не интересно мне это.

– А где она сама?

– Так в городе. На каникулы теперь уже приедет.

– Ясно.

Никаких зацепок. Ничего выяснить не удалось. И в голове пустота. Абсолютная. Словно белый-белый снег.

– Ты давай спи, – настоятельно рекомендует Анисья. – Надо сил набираться, а то высох вон весь.

– Сколько я был без сознания?

– Не считала. Неделю-то точно, – равнодушно пожимает плечами и идет к выходу. Дверь негромко хлопает, и слышны хрустящие по снегу шаги. Зима, значит...

Прикрываю глаза и пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь, но не получается. В голове словно стоит стена, которая мешает мне увидеть прошлое, но я чувствую, что оно рядом. Вот буквально пара шагов – и я схвачу его, но оно уплывает, оставив лишь легкий шлейф из неясных образов.

Проваливаюсь в какое-то полузабытье. Вроде сплю, но и не сплю одновременно. Все слышу, чувствую и могу контролировать. Иду по снегу, шаги монотонно хрустят. Очень спешу, но куда, пока не понимаю. Тянет, и я не сопротивляюсь. Сердце начинает биться быстрее, чтобы подстроиться под ритм шагов. Его гулкие удары эхом разлетаются в сознании и перемешиваются с хрустом снега.

– Ванечка! – Женский крик врывается в мое сознание и от неожиданности выдергивает меня в реальность.

Сажусь на постели и часто дышу, пытаюсь понять, что это было. Холодные мурашки курсируют по коже, а по спине струится пот. Меня всего трясет от волнения. Я знаю этот голос. Я помню его. И Ванечка – это, вероятно, я...

Глава 2

Виктория

Еще одна бессонная ночь подходит к концу. Завернувшись в теплый плед, стою у окна и встречаю рассвет. Прошел почти месяц, но об Иване по-прежнему нет никакой информации. Он просто исчез. Испарился, как будто и не было никогда.

Очень тяжело принимать такую реальность, когда раскуроченное сердце кровоточит. Но слез уже нет. Их просто не осталось. В душе пустота, выжженная напалмом горя. Жить не хочется, но я должна. Ради детей. Только они заставляют меня существовать.

А еще зыбкая надежда на чудо. Все, что есть во мне рационального твердит, что шансов нет. Ивана уже не найдут, тем более живым. Слишком много прошло времени. Но глупое сердце не желает соглашаться с этим вердиктом. Упорно бьется в груди и верит в невозможное.

Уже привычно опускаюсь на колени, прикрываю глаза и молюсь. Раньше не умела, а теперь научилась. Становится легче и как-то спокойнее. Отчаянно прошу господу вернуть мне мужа. Потому что не могу без него. Без него меня нет.

Днем еще получается как-то держаться, но, как только дочка засыпает, я остаюсь совсем одна со своим горем и уничтожающими мыслями. Почему не отговорила Ивана от этой поездки? Ведь чувствовала, что что-то случится. Зачем отпустила?

Телефон вибрирует на тумбочке и выдергивает меня в реальность. Поднимаюсь на ноги и отключаю будильник. Пора дочку будить. Сегодня бабушка заберет ее на выходные. Хорошо это или плохо, не знаю. Я вообще уже ничего не знаю и ничему не сопротивляюсь. Просто хочется лечь пластом и не шевелиться. Тяжело и больно. Незнестность выматывает, с каждым днем надежды все меньше, а нервы тоньше. Еще чуть-чуть – и лопнут.

Привожу себя в порядок, замазываю синяки под глазами и иду будить Нюсю. Она ничего не знает, решили не сообщать до последнего. Пока есть хоть крохотная надежда. Но Нюся словно чувствует, что что-то не так, и постоянно спрашивает про папу. Я уже не знаю, что отвечать...

– Нюсенька, просыпайся, – мягко глажу ее по голове и спине.

Улыбается и сладко тянется. Зевает и открывает глаза.

– Доброе утро, мамочка, – обнимает за шею и целует в щеку.

– Доброе утро, – улыбаюсь ей.

– А папа уже вернулся? – отстраняется и взволнованно заглядывает в глаза.

– Еще нет, – нервно сглатываю и отвожу взгляд. Внутри просыпается тихая паника.

Боюсь, что не справлюсь с ней, разреву и напугаю дочь.

– А когда уже? – Нюся капризно надувает губки и слава богу не замечает моего состояния.

– Я не знаю... – поднимаюсь на ноги и достаю из шкафа заранее приготовленную одежду. – Давай собираться? Скоро бабушка за тобой приедет.

– Ура!

Нюся подскакивает и несется в ванную. Пока ее внимание еще можно переключить, но что будет дальше, даже подумать страшно.

Тяжело вздыхаю, заправляю кровать и кладу на нее одежду. Затем спускаюсь, чтобы приготовить завтрак.

Тошнота привычно подступает к горлу. Токсикоз жуткий, особенно по утрам. На еду вообще смотреть не могу. Но дочку-то надо кормить. Беру себя в руки и начинаю варить кашу. От запаха мутит все сильнее. Отхожу на пару шагов, опираюсь обеими ладонями на столешницу и глубоко дышу. Отвратительно себя чувствую. От голода мутит, а от еды воротит. Замкнутый круг.

Трель дверного звонка разлетается по дому. Отставляю кашу с плиты и иду открывать. Людмила Петровна в черном платке и очках. Траур. Мне кажется, она уже мысленно похоронила сына. Смирилась, как и его братья. Только я одна не могу принять это.

– Проходите, – натянуто улыбаюсь. – Кофе будете?

– Нет, спасибо.

Возвращаюсь на кухню, а свекровь следует за мной.

– У тебя все нормально? – неожиданно интересуется, присаживается за стол и снимает темные очки.

– Относительно, – равнодушно пожимаю плечами и оборачиваюсь к ней. Только сейчас замечаю, как она изменилась, словно постарела сразу на несколько лет. Горе никого не пощадило.

– Ты сама на себя не похожа, – хмурится Людмила Петровна. – Похудела, мешки под глазами. Может, врачу показаться?

– Со мной все в порядке, – упрямо повторяю. Такая забота сейчас совсем не уместна. Я не готова принимать ее от этого человека. Предубеждение. Постоянное ожидание какого-то подвоха.

– Вик, это не шутки... – качает она головой. – У тебя дочь, она не может потерять обоих родителей.

– Не говорите так! – повышаю голос, вспыхивая в секунду. – Иван жив и вернется к нам!

Людмила Петровна поджимает губы и сканирует меня взглядом. Становится не по себе. Зябко веду плечами.

– Ты думаешь, я этого не хочу? – горько усмеивается она. – Неужели ты до сих пор меня считаешь таким чудовищем?

– Я этого не говорила...

Шумно выдыхаю. Не хотела касаться этой темы. Мы давно закрыли ее и договорились больше к прошлому не возвращаться. Но, видимо, не одной мне оно не дает покоя.

– Говорить и не обязательно. Я и так чувствую и понимаю, что ты меня никогда не простишь.

– Неправда, – горячо возражаю. – Я вас давно простила.

И это истинная правда. Я не держу зла. Что было, то прошло. После воссоединения нашей семьи мы забыли все разногласия и начали жизнь с чистого листа.

– Это мой грех, и я правда пытаюсь его искупить.

На глаза наворачиваются слезы. Едва сдерживаюсь, чтобы не расплакаться. Гормоны, наверное, шалят.

– Я знаю, – судорожно вздыхаю. Свекровь и правда старается стать хорошей бабушкой и даже ни разу не нарушила наш с ней нейтралитет. Мне не в чем ее упрекнуть. – Простите меня, я на нервах.

– Мы все на нервах, но... – Ее голос срывается, а взгляд становится пустым и отстраненным. – Прошел месяц. Надо смириться и поставить точку.

– Что вы хотите этим сказать? – Внутри все обрывается, а сердце замирает в груди. Дышать становится тяжело, и я хватаюсь рукой за горло.

– Хочу, чтобы ты его наконец отпустила, как сделала это я. Нужно устроить похороны. Да и ребенку пора рассказать правду.

Смотрю на нее и не понимаю. Сдалась? Почему без боя? Ведь еще ничего не ясно. Ведь еще все может быть. Надо только верить. Но Людмила Петровна потухла. По глазам вижу, что ее надежда умерла.

Но я с этим не согласна. Внутри просыпается отчаянный протест. Делаю глубокий вдох и звучно припечатываю ладонь к столешнице.

– Этого не будет!

Свекровь вздрагивает от неожиданности и удивленно поднимает на меня глаза.

– Вик, так нельзя. – Голос звучит мягко, почти по-матерински. – Надо жить дальше. Ты молодая и...

– Хватит, – затыкаю уши и качаю головой. – Я не хочу даже слышать всего этого.

От нервов тошнота усиливается. Не справляюсь с реакцией организма, и меня выворачивает в раковину. Людмила Петровна сразу же оказывается рядом и подает мне стакан воды.

– Что с тобой? Надо же скорую вызвать, – начинает суетиться и искать телефон, но я вовремя перехватываю ее за руку.

– Не надо. Все нормально...

Холодный пот градом струится по спине, а тело сотрясает мелкая дрожь. Делаю несколько жадных глотков и отставляю стакан в сторону.

– Это не нормально, – упрямо качает головой свекровь. Неожиданно для себя в ее голосе слышу искренние переживания и заботу. Никогда бы не подумала.

– В моем положении нормально, – выдыхаю я и без сил опускаюсь на стул.

– В твоём что? – Ее глаза округляются от недоумения. Когда-нибудь все равно бы пришлось рассказать. Значит, время пришло. Дежавю какое-то. Сжимаю кулаки так, что ногти болезненно впиваются в кожу и выдавливаю из себя:

– Я беременна.

Получается как-то жестко и грубо, но сил держать эмоции под контролем просто не осталось.

– Господи... – выдыхает Людмила Петровна и медленно опускается на стул напротив. – Какой срок?

История повторяется. Меня внутренне колотит от всего происходящего.

– Хотите предложить сделать аборт или убедиться что это ребенок Ивана? – Очередная колкость срывается с губ раньше, чем я успеваю ее обдумать.

– Зачем ты так? – Болезненная гримаса появляется на ее лице, а мне становится стыдно. Сама не знаю, как так вышло. Не хотела ее обижать, как-то случайно получилось.

– Простите, – устало выдыхаю и роняю голову на руку. – Я не в себе из-за всего этого.

– Тебе надо пройти обследование в хорошей клинике. На учет уже встала?

– Нет. Пока не до этого было...

– Так нельзя. Надо срочно провериться. Хочешь, вместе ходим к моему врачу?

Долго смотрю на нее, решая, стоит ли верить женщине, которая однажды разрушила мою жизнь до основания. Сложно научиться опять доверять. Но теперь она моя семья. Других близких у меня нет...

– Хочу, – смотрю ей в глаза. – Да. Давайте ходим, – уверенно отвечаю.

– Тогда я запишу на понедельник?

– Записывайте.

До понедельника еще два дня. Всегда можно передумать и отказаться.

Торопливые шаги слышатся за спиной. Оборачиваюсь и вижу, как Нюся бежит к нам.

– Бабушка! Я готова! – кидается на шею Людмиле Петровне.

– Какая ты молодец! Поехали? – Та целует ее в щеку.

– Подождите, а завтрак? – спохватываюсь я, вспомнив про так и недоваренную кашу.

– Поешь сама и отдохни, – свекровь заботливо сжимает мою руку. – Нюсю я покормлю, мы собирались в парк. Там недалеко есть хорошее кафе с детским меню.

– Хорошо...

– В понедельник я отвезу ее в школу и заеду за тобой.

Киваю, как болванчик, не особо улавливая смысл. Вокруг меня происходит что-то невозможное.

– Береги себя и, если что, звони, я всегда на связи.

– Я помню.

Провожая их до двери и возвращаясь на кухню. Как относиться к новому поведению свекрови, я пока не понимаю. Не могу до конца проникнуться и поверить ей. Но и отталкивать тоже не хочу. Если она искренне хочет помочь, то, возможно, стоит дать шанс. Время покажет...

Глава 3

Виктория

Промаявшись весь день, мне наконец удается уснуть. Видимо, усталость просто взяла свое, и я отрубилась прямо в гостиной на диване. Но сны опять беспокойные. Куда-то бегу, плутаю и как сумасшедшая ищу Ивана. Чувствую, что он где-то близко, но так и не могу отыскать.

Настойчивая трель дверного звонка проникает в сознание, выдергивая меня в реальность. С большим трудом продираю глаза и пытаюсь прийти в себя. Голова тяжелая, а тело ломит от перенапряжения.

Звонок повторяется. Поднимаюсь и иду на звук. Чужих на территории не бывает, охрана бдительно следит за этим, поэтому, не глядя в глазок, распахиваю дверь. Павел стоит на пороге с двумя сумками и переминается с ноги на ногу.

– Давай быстрее, сестренка. Тяжело же, – решительно входит в дом и сразу сворачивает к кухне.

– И тебе привет, – озадаченно следую за ним.

– Да-да, привет.

Ставит сумки на пол, поворачивается ко мне и сгребает в медвежки объятя. Павел немного крупнее Ивана, и в его руках я тону еще больше, чувствуя себя маленькой девочкой. За спиной такого мужчины не страшно. Уверена, что его жена будет чувствовать себя, как за каменной стеной. Он правда очень хороший и добрый. Но для меня лишь друг. Брат. Не больше.

– Что это за непонятная акция? – киваю на пакеты, выбираюсь из его объятий и внимательно рассматриваю содержимое. – Я вроде не просила...

– Гуманитарная помощь, – хмыкает он и, чуть помедлив, добавляет: – Маман просила все это купить и доставить.

– Все интереснее и интереснее...

– Покормишь меня? – расплывается в улыбке и включает воду, чтобы помыть руки.

– Даже не знаю, – открываю холодильник и с ужасом для себя понимаю, что у меня нет еды. Совсем. Как я упустила этот момент?

– Негусто, – бормочет Павел, заглядывая мне через голову.

– Да уж. Но, может, в пакетах есть что-то съедобное? – виновато улыбаюсь и начинаю доставать еду. – Выбери.

– Давай поищем.

Паша помогает мне разобраться с продуктами. Он достает, а я раскладываю по местам. В конце концов на столе остаются овощи и кусок мяса.

– На вот тебе, порежь, – подвигает ко мне лоточки с помидорами и огурцами, а себе достает широкий нож. – А я мясо пожарю.

Даже не собираюсь спорить, тем более от предвкушения этого блюда рот заполняется слюной, а желудок жалобно бурчит. Я, оказывается, очень проголодалась, а осознала это только сейчас.

Быстро нарезаю салат, сажусь за стол и наблюдаю за Павлом. Он ловко управляет мясом и отправляет его на сковороду. Увлеченно что-то мне рассказывает и, не переставая улыбаться, переворачивает. Я даже не слышу слов, просто голос такой похожий на Ванечку. Прикрываю глаза, и мне неожиданно становится легко и спокойно. Словно груз, давивший на плечи в последний месяц, ненадолго отступил.

– Рота, подъем, – вздрагиваю и распахиваю веки. Неужели уснула? Неудобно как-то...

– Прости. Устала что-то...

– Ничего страшного. Поешь и спать ложись. А мне тоже пора уже.

На столе появляются две тарелки с мясом и соус, а также заправленный салат и хлеб.

– Приятного, – подмигивает мне Павел и принимается за еду.

– Взаимно, – улыбаюсь ему и тоже начинаю есть.

В кои-то веки не чувствую тошноты. Даже удается съесть половину куска и несколько ложек салата. Определенный успех в этом направлении.

– Вик, мне надо уехать на некоторое время, – говорит Павел, а я невольно напрягаюсь, слыша в голосе знакомые нотки волнения.

– Куда собрался? – стараюсь говорить беззаботно, но голос предательски вздрагивает и звучит как-то иначе.

Паша отставляет тарелку и смотрит на меня долгим взглядом. Словно пытается решить, стоит говорить правду или нет. Задерживаю дыхание, не представляя, чего ожидать. Какой сюрприз еще мне преподнесет судьба?

– На место происшествия... – Паша опускает глаза и говорит немного тише. – Спасатели хотят завершать работу, надо быть там...

Внутри все обрывается. Ведь это означает конец поискам. Этого не может быть.

– Как завершать? – вскрикиваю возмущенно. – Но Ивана же еще не нашли!

Павел накрывает мою кисть своей ладонью и несильно сжимает. Тяжело дыша, поднимаю на него глаза.

– Вик. Его не найдут, – сокрушенно качает головой, а во взгляде столько боли, что мне становится дурно. – Чудес не бывает. Услышь меня, пожалуйста.

– Нет. Это неправда! – выдергиваю руку, вскакиваю на ноги и начинаю метаться по кухне. Меня разрывает на части от неотвратимости принятия этой ситуации. Головой все понимаю, но не могу согласиться. Это не каприз, я реально верю в то, что мой муж жив. И точка. Я буду его искать во что бы то ни стало.

– Я понимаю, что ты чувствуешь. – Паша перехватывает меня, заставляя остановиться. – Мне тоже больно от этой ситуации, но такова жизнь. Надо смириться...

– Я не хочу смириться, – цежу сквозь зубы. – Потому что чувствую, что он жив. Я знаю это, понимаешь!

– Успокойся...

Я не слышу его. Меня переполняют эмоции. И какая-то странная решимость начинает зарождаться в душе. С каждым вздохом растет и стремительно разлетается по организму, заряжая его энергией для борьбы.

– Возьми меня с собой, – отчаянно шепчу, хватаясь за Павла обеими руками, как за спасительную соломинку. Еще сама не понимаю, зачем мне это нужно, но твердо знаю, что хочу быть там и собственными глазами увидеть, где пропал мой муж.

– Что? Ты с ума сошла? – Паша недоуменно смотрит на меня, как на умалишенную.

– Нет, со мной все в порядке, – качаю головой, пытаюсь найти аргументы в свою пользу. – Просто возьми меня туда, на место аварии. Я хочу увидеть все своими глазами.

– Это невозможно, – отрезает Павел, но голос его звучит не очень уверенно и дает надежду.

– Почему? Ты же говоришь что спасатели завершают работу. Значит, и оцепление снимут...

– Вик, это дурь. Тебе там нечего делать. Там очень страшно.

– Ну и что? Я справлюсь, – умоляюще смотрю в глаза. – Правда.

– Я не хочу брать на себя такую ответственность.

– И не нужно. Я сама за себя отвечу, – чувствую его слабинку и решительно даю на нее, чтобы добиться своего. – Может, мне будет легче отпустить его там... Дай мне этот шанс. Ну, пожалуйста...

– Я себе никогда не прощу если с тобой или ребенком что-то случится, – устало выдыхает, опускается на стул и хватается за голову.

– Ничего не случится. Я тебе обещаю.

– Ладно. – Павел звонко припечатывает ладонь в столешницу и поднимается. – В понедельник вечером вылетаем. Будь готова к семи, я заеду за тобой.

– Спасибо, – кидаюсь ему на шею и крепко обнимаю.

– Мне пора. Не подводи меня.

Павел грустно улыбается и идет к выходу. Провожая его до двери, закрываю замок и возвращаюсь на кухню. В душе чувствуется нереальный подъем, и вера в счастливый конец растет с каждой секундой. Надо только как-то дожить до понедельника.

* * *

После короткого опроса и осмотра на кресле врач предлагает сделать УЗИ. С радостью соглашаюсь и ложусь на кушетку. Трепетное волнение перед первой встречей с малышом охватывает меня целиком. Руки трясутся, а к горлу подступает горький ком. Непрошенные слезы жгут глаза. Я так хотела разделить этот прекрасный момент с мужем... Но жизнь внесла свои коррективы.

– Ой, а можно позвать свекровь? Она за дверью.

– Конечно, – улыбается мне Елена Сергеевна, поднимается на ноги и идет к двери.

А я в это время пытаюсь взять себя в руки и успокоиться. Все еще будет. На следующее УЗИ мы обязательно пойдем с Иваном. Как раз уже пол можно будет определить.

– Все хорошо? – Людмила Петровна садится рядом со мной и берет руку в свои.

– Да, нормально, – выдавливаю из себя улыбку.

– Спасибо, что позвала.

– Ну что, готовы?

– Конечно, – киваю я.

Врач намазывает датчик гелем и начинает водить по моему животу. Смотрю на экран у себя над головой и пока ничего не понимаю. Лишь серо-черные тени сменяют друг друга.

Наконец датчик останавливается, и картинка проясняется.

– Так... что тут у нас, – бормочет себе под нос Елена Сергеевна и делает необходимые измерения.

– Все хорошо? – с придыханием спрашиваю и замираю в ожидании ответа.

– Более чем, – улыбается она мне. – Срок восемь недель. Развитие соответствует сроку. Никаких патологий и угроз нет.

Облегченно выдыхаю. Это главное. Я так боялась, что с этим постоянным стрессом наврежу ребенку, но слава богу все обошлось.

– Вот смотрите это голова, это ножки, а это, – наводит курсор на мерцающую точку, – сердечко бьется. Хотите послушать?

– Конечно.

Врач нажимает кнопку, и четкий, ритмичный звук сердцебиения заполняет пространство кабинета. Непрошенные слезы катятся по моим щекам, а остановить их не получается.

– Вика, ну что ты, – кидаюсь ко мне свекровь, пытаюсь успокоить.

– Все нормально, – останавливаю ее и шмыгаю. – Это от счастья.

– Бывает, – улыбается Елена Сергеевна. – Фотографию для папы распечатать?

Сердце болезненно сжимается, а дыхание срывается. Закусываю до боли губу и отворачиваюсь, чтобы перетерпеть.

– Не нужно, – тихо отвечает Людмила Петровна.

– Нет, распечатайте, – решительно говорю я. Иван увидит эти снимки, когда вернется.

Обязательно увидит.

Вытираю живот, сажусь на кушетке и надеваю кофту.

– Результаты УЗИ я оставлю у себя и вклею в карту. Если вам нужны, могу копию сделать.

– Не нужно. Только снимок, – забираю и аккуратно кладу в сумочку.

Врач дописывает бумажки и протягивает их мне.

– Вот направления на анализы. Как будут готовы результаты, приходите ко мне, и я вас поставлю на учет.

– Хорошо. Спасибо.

– На здоровье.

Выходим от врача и идем к выходу. На улице я останавливаюсь и глубоко дышу, приводя нервы в порядок. Сложное было испытание, но я справилась.

– Все нормально? – Людмила Петровна заботливо обнимает меня за плечи.

– Да, – улыбаюсь ей. – Просто перенервничала.

– Надо было рассказать врачу про нашу ситуацию, возможно, она бы подсказала какие-то успокоительные.

– Я пока справляюсь.

– Поехали, отвезу тебя.

Сажусь в машину и сразу пристегиваюсь. Людмила Петровна опускается на водительское кресло и заводит двигатель. Обычно она ездит с водителем, но сегодня почему-то решила сделать исключение.

Машина плавно трогается с места и выезжает на проспект, аккуратно вливаясь в плотный автомобильный поток.

Спустя час мы пьем чай у меня дома и беседуем ни о чем. Время стремительно несется вперед, и пора рассказать о своей поездке, но язык не поворачивается.

– Людмила Петровна, я хотела с вами поговорить... – начинаю издали, нервно кусая губы. Не знаю, как подобраться к главному, да и вряд ли свекрови понравится моя затея.

– Конечно. О чем? – Она ставит чашку на стол и смотрит на меня.

– О Нюсе. Она может пожить у вас какое-то время?

– Что-то случилось? – Свекровь сразу напрягается, будто чувствует подвох.

И он есть... Набираю в легкие побольше воздуха и выпаливаю:

– Я хочу уехать на несколько дней...

Людмила Петровна недоуменно смотрит на меня и молчит. Сдаюсь и добавляю:

– С Павлом...

– Что? – Ее глаза округляются еще больше. – Нет, Вика, это невозможно!

– Почему? – устало вздыхаю. Примерно такой реакции и ожидала. И в принципе к ней готова.

– Это опасно, особенно в твоем положении! – заходится она праведным гневом.

– С моим положением все в порядке, – улыбаюсь ей. Не хочу ругаться и смягчаю острые углы. – Сами же слышали слова врача.

– Вик, ну зачем тебе эти риски?

– Я хочу побывать на месте и сама убедиться во всем.

– В чем убедиться? Я против, – сокрушенно качает головой Людмила Петровна, пытаюсь меня образумить.

– Я уже все решила и все равно поеду, – терпеливо объясняю ей и смотрю прямо в глаза. – Помогите мне.

– Что же ты творишь...

По одной только интонации понимаю, что она сдаётся. Осталось только дожать.

– Пожалуйста, возьмите к себе Нюсю, – сжимаю её руку, подталкивая к правильному решению.

– Да куда же я денусь. Конечно возьму.

– Спасибо, – поддаюсь порыву и обнимаю её за шею. Сейчас она действительно сильно меня выручает. Тащить с собой ребёнка мне совсем не хочется.

– Береги себя и малыша, – обнимает в ответ.

– Конечно.

Слава богу, все разрешилось, и теперь можно со спокойной совестью собираться. Вечером обещал заехать Павел, к этому времени надо быть готовой.

Глава 4

Иван

Сквозь сон чувствую, как тонкие пальчики скользят по моему лицу. Очерчивают линию бровей, скул, спускаются к губам. Женские пальчики... Прикосновения легкие, едва осязаемые, но есть в них что-то до боли знакомое и родное.

Замираю, боясь пошевелиться и спустить внезапное наваждение. Воображение быстро дорисовывает детали. Нежная улыбка, аккуратный носик и потрясающе-красивые голубые глаза. Я точно знаю ее, но никак не могу вспомнить. Кто она?

Чувствую, что ответ где-то очень близко. Сердце получает ударную дозу адреналина и срывается в галоп, а мозг начинает работать с удвоенной силой. Тяжело дышу и проматываю в памяти те крохи, что удалось собрать. Обручальное кольцо. Я Иван. Я женат на?..

«Очень-очень тебя люблю» – хриплый шепот вспыхивает в сознании и разливается по телу мурашками, вздыбливая каждый волосок. Целую сладкие губы и ощущаю, как напряжение внутри нарастает, а разгадка становится ближе. Чувства переполняют и захватывают меня целиком. Неясные образы становятся все четче, а видения реальнее. Сердце замирает на мгновение и вместе с шумным выдохом начинает колотиться еще быстрее. Моя!

– Вика! – распахиваю глаза и подскакиваю на кровати, ожидая увидеть именно ее, но в сторону шарахается совсем другая девушка. Смотрю на нее и недоумеваю. Это не Вика из моих снов...

Энергично растираю лицо ладонями, пытаюсь отогнать видение, но ничего не меняется. Девушка не исчезает. По-прежнему стоит неподалеку и с интересом рассматривает меня, а я ее. Черные волосы заплетены в тугую длинную косу, темно-карие глаза с немного восточным разрезом и пухлые губки вишневого цвета. Красивая и очень молодая. Сколько ей? Восемнадцать-то хоть есть? Хотя какая разница.

– Ты кто? – спрашиваю наконец нарушая напряженную тишину, повисшую в воздухе.

– Настя, – дерзко улыбается она, а я сразу вспоминаю рассказ бабки.

– Внучка Анисьи и моя спасительница?

Настя кивает и подходит ближе, видимо решив, что я не опасен.

– Спасибо тебе.

– А тебя как зовут? – Она присаживается рядом со мной на кровать.

– Иван... наверное, – неопределенно пожимаю плечами. Сам не до конца в этом уверен, но других зацепок пока нет. А вот Настя вполне может помочь мне их найти.

– Почти все зажило, – кивает она на шрамы на моем животе. Черные глаза загадочно вспыхивают, и мне становится как-то не по себе. – Бабуля сказала, что ты не помнишь ничего.

– Почти, – поднимаюсь на ноги и натягиваю на себя рубашку, выданную бабкой. Не нравится мне этот прямой взгляд. – Документов моих не осталось?

– Я не видела. – Настя пожимает плечами и откидывается на стену. Смотрю на нее и пытаюсь угадать, о чем она думает. Есть в ней что-то такое бесноватое, опасное. Может, врет? Но для чего ей это?

– А где ты меня нашла?

– Здесь недалеко, около реки, – усмехается и машет рукой в нужную сторону. – Думаю, тебя к берегу прибило.

– Откуда?

– Понятия не имею.

Надо обязательно обследовать тот район, возможно, удастся найти хоть что-то, что бы помогло установить мою личность. Возможно, подняться вверх по течению реки или еще какие-то варианты придумать на месте.

– Сможешь отвести меня туда?

– Думаю, смогу, но не сегодня, – демонстративно разминает затекшие плечи. – Я так устала с дороги. Просто с ног валюсь...

– Отдыхай, пойду дров принесу.

Выхожу из дома, оставив Настю одну, и иду колоть дрова. Слабость во всем организме еще ощущается, но постепенно сила возвращается ко мне. Совсем недавно я еще не мог твердо ходить, сейчас же почти не штормит. Нога немного побаливает, и остается небольшая хромота, но не критично, и в целом чувствую себя вполне сносно.

Беру дровину, ставлю на пень и колуном разрубаю на несколько частей. Мышцы отзываются приятной болью, хорошая зарядка, чтобы прийти в форму. Ставлю следующую дровину и снова замахваюсь.

Из головы не выходит образ Вики. Теперь я уверен, что не один. У меня появился ориентир, к которому надо стремиться. Я должен все вспомнить и найти свою жену. Должен вернуться, потому что она меня ждет. Я уверен, что ждет.

Чувствую на себе пристальный взгляд и оборачиваюсь. У окна никого уже нет, но занавеска колышется. Недовольно хмурюсь и с силой втыкаю колун в пень. Не нравится мне поведение этой Насти. Странная она какая-то. Надо быть начеку.

Сгребаю охапку дров и несусь к дому. Надо печь растопить, а то скоро бабка вернется. Мерзнет, старая. Возраст уже, наверное. Помогаю чем могу, оплачивая свое лечение и содержание.

* * *

– Просыпайся, – слышу хриплый шепот и распахиваю глаза, не понимая, что происходит. Настя склоняется надо мной, едва касаясь волосами лица. Вздрагиваю от неожиданности и резко отодвигаюсь. Пальцами тру глаза, чтобы окончательно проснуться.

– Чего тебе?

– Ты хотел сходить туда, где я тебя нашла, – выпрямляется и быстро заплетает косу.

– Сейчас? – уточняю на всякий случай. За окном еще темно, не самое подходящее время для прогулки.

– Скоро рассвет, – пожимает она плечами. – Бабуля просила еще трав собирать. Как раз к обеду вернемся.

– Ну хорошо, – озадаченно киваю. – Сейчас соберусь.

Настя накидывает куртку и небольшой рюкзачок и уходит за дверь. Странная она, хотя и бабка не лучше. Но выбора особого нет. Пока идти мне все равно некуда.

Быстро собираюсь и выхожу из дома. Прохладный ветер сразу же проникает под куртку и заставляет поежиться. Да уж. Свежо и бодрит, ничего не скажешь.

Солнце только-только начинает подниматься из-за горизонта и окрашивать верхушки деревьев. Красота нереальная. Набираю в легкие побольше воздуха и шумно выдыхаю.

– Хватит любоваться, пойдём. – Настя хлопает меня по плечу и проходит вперед, указывая дорогу.

– Ну пойдём.

Беру свою палку, с которой передвигаюсь в последнее время, и иду за ней. Вокруг сплошной лен. Тропинки не видно, но Настя уверенно двигается вперед. Куда меня ведет, понятия не имею, но послушно следую по пятам. Выбора все равно нет.

– Настя, а где здесь ближайший населенный пункт?

– На том берегу реки, – указывает примерное расположение. – Километрах в пятидесяти. Нехило... Это ж три дня на оленях.

– А как вы дотуда добираетесь?

– Пешком, – пожимает она плечами, словно пройти такое расстояние раз плюнуть.

– Ты серьезно?

– Иногда подвозит кто-то из деревенских. Вверху по течению есть мост через реку. А там уж рукой подать.

Запоминаю эту информацию все на всякий случай. Вдруг пригодится. Как-то же надо будет выбираться из этого захолустья, только вот куда, пока не очень представляю. Да и чем больше проходит времени, тем меньше остается желания. Одичал здесь совсем.

Плутаем уже минут сорок. С каждым шагом нога болит все сильнее, отдавая куда-то в поясницу. Иду все медленнее и чаще дышу. Холодный пот струится по спине, а руки становятся влажными.

– Устал? – замечает Настя мое состояние. – Может, остановимся?

– Далеко еще? – цежу сквозь зубы, преодолевая боль.

– Пару километров.

– Идем.

– Уверен, что дойдешь? – сокрушенно качает она головой. – Говорила бабуля, что рано тебе еще...

– Нормально все, дойду, – упрямо возражаю и шагаю вперед.

Настя не спорит, обгоняет и идет передо мной, петляя между деревьями. Моя скорость постепенно снижается. Практически ползу, все сильнее опираясь на палку. В глазах двоится, а голова идет кругом. Хватаюсь за ствол дерева и тяжело дышу. Все, больше не могу.

– Вот говорила же, давай отдохнем. – Настя мгновенно оказывается рядом и подставляет свое плечо.

– Нормально все, – отказываюсь и лбом впечатываюсь в прохладную кору. Закрываю глаза и сжимаю кулаки, пытаюсь пережить очередную волну боли.

– Ага, я вижу, – возмущается Настя. – Только обратно я тебя не дотащу.

Вынужденно опираюсь на нее. Ведет меня к небольшому, но высокому пню.

– Вот здесь посиди, я сейчас.

Скрывается в чаще леса. Сажу и жду, чего – не ясно. Через пару минут Настя возвращается с какими-то то ли листочками, то ли травой. Разминает и протягивает мне. Невольно напрягаюсь, но все-таки беру в руки.

– Пожуй и выплюнь...

– Что это? – недоуменно изучаю зеленое месиво.

– Тебе не все равно? – Бровь Насти насмешливо поднимается.

– Нет.

Что-то совсем не хочется отравиться какой-то дрянью.

– Легкое обезболивающее. Должно стать лучше.

С сомнением смотрю на нее. Настя выглядит уверенной в своих словах. Решаюсь и закидываю эту гадость в рот. Вкус специфический, но вполне терпимый. Медленно пережевываю и выплевываю. Через несколько минут начинаю ощущать, как боль становится не такой интенсивной. Вполне терпимой.

– Ведьмы вы, что ли? – хмыкаю я и двигаю ногой. Гораздо лучше, боли почти не чувствую.

– Все женщины немного ведьмы.

– Я так и понял.

– Идти можешь?

– Вроде могу.

– Пойдем, недалеко осталось. – Настя указывает рукой направление. – Вон там уже река.

Через пару минут и правда выходим к берегу. Река широкая, течение быстрое. Подхожу к воде, внимательно осматриваюсь, но кроме коряг, торчащих из нее, ничего не вижу.

– Вот здесь я тебя и нашла. – Настя ловко запрыгивает на поваленное дерево и бесстрашно идет по нему вперед. – Ты лежал вот здесь, зацепившись за сук.

– И все?

Информации слишком мало. Катастрофически мало.

– А что еще? – Она недоуменно смотрит на меня и хмурит брови, словно пытаюсь что-то вспомнить.

– Ну, может, вещи какие-то? – рассуждаю логически. – Рюкзак, например...

– Нет, я ничего не заметила, – возвращается и спрыгивает на землю без происшествий.

– Ясно.

Это провал. Крушение всех надежд.

– Осматривайся, – усмехается Настя. – Я пока травки бабуле соберу, потом позавтракаем.

– Хорошо.

Прохожу по берегу, всматриваясь в мутную воду. Ничего необычного не вижу. Никаких зацепок. Но они должны быть. Если у меня не было никаких вещей, то логично, что я не сам попал в воду. Может, кто-то помог?

Надо бы сходить к тому мосту, но его отсюда не видно. Значит, не сегодня. Просто не дойду. И так еле живой. От одной мысли, что надо еще возвращаться, становится дурно. Надо как-то разрабатывать ногу, чтобы повисить выносливость.

Проверяю все ближайшие кусты, не нахожу ничего интересного и усаживаюсь на поваленное дерево. Что делать дальше, ума не приложу. Надо как-то выбираться в цивилизацию, но пока это нереально для меня. У Насти, вероятно, есть телефон, можно позвонить, но куда? А если меня ищут? А если хотели убить? Нет, слишком рискованно сейчас светиться. Нужно сначала полностью восстановиться и по возможности вспомнить, кто я такой.

Глава 5

Виктория

Сквозь сон слышу негромкий стук в дверь и распахиваю глаза. Осматриваюсь и вспоминаю, что нахожусь в гостинице, в которую мы с Павлом заселились ночью. Если это место можно так назвать. Но других вариантов в этом богом забытом месте не оказалось.

– Вик, у тебя все нормально? – Взволнованный голос Павла разносится по комнате.

– Да. Сейчас.

Отгоняю остатки сна и сажусь на кровати. Была совсем без сил, уснула прямо в одежде и со светом. Разминаю затекшую от неудобной позы шею и поднимаюсь на ноги. Подхожу к двери и распахиваю ее.

Оперевшись рукой о косяк, Павел внимательно смотрит на меня. Его взгляд такой тяжелый, что становится не по себе.

– Что-то случилось? – передергиваю плечами и пропускаю его в комнату.

– Нет. – Павел проходит к окну и отворачивается от меня. – Ты просто на звонки не отвечаешь, решил проверить.

– Звук, наверное, забыла включить...

Нахожу свой телефон и проверяю: десяток пропущенных от Павла, еще столько же от Людмилы Петровны. Как же так? Быстро включаю звук и пишу свекрови смс, что со мной все в порядке. Отправляю и просматриваю другие события, стоящие внимания.

– Может, не поедешь? – Тихий голос взрывается в моем сознании и заставляет вздрогнуть от неожиданности. – Останешься в номере и подождешь меня?

– Паш, ты опять? – укоризненно качаю головой. Мы же уже обо всем договорились. Зачем ненужные дебаты?

– Что опять? – резко разворачивается и впиается в меня сердитым взглядом. – Мне до сих пор не нравится эта затея!

– Я все равно поеду. Именно для этого я здесь, – повторяю упрямо и складываю руки на груди, демонстрируя твердость своей позиции. – Ничего со мной не случится.

– Ладно, – смягчается Паша. – Вижу, спорить с тобой бесполезно. – На его губах появляется слабая улыбка.

– Именно, – однозначно киваю и улыбаюсь в ответ. Надеюсь, это последний наш спор на эту тему.

– Собирайся и спускайся тогда. Я пока организую нам завтрак.

Павел признает полную капитуляцию и идет к двери.

– Я не голодна, – кидаю ему в спину. Есть действительно совсем не хочется, да еще и мутит неприятно.

– Нет, Вика, – резко останавливается и разворачивается ко мне. – Ты поешь. И это не обсуждается, – говорит не терпящим возражений тоном. – Я не знаю, когда мы вернемся, поэтому давай без выпендрежа.

– Хорошо. Завтрак так завтрак, – примирительно поднимаю руки. Придется уступить такому напору. Тем более он, скорее всего, прав. Надо набраться энергии и сил.

– Вот и молодец.

Выходит и прикрывает за собой дверь. Привожу себя в порядок, собираю в небольшой рюкзачок все, что может пригодиться, и спускаюсь в столовую. Паша сидит за столом и разговаривает по телефону. Увидев меня, завершает разговор и поднимается навстречу.

Присаживаюсь на стул. На столе уже стоит овсяная каша и яичница.

– Шведский стол? – усмехаюсь, кивая на такие разносолы.

– Угу, практически, – смеется Паша и многозначительно подмигивает. – Тактическая хитрость.

– Не поняла, – озадаченно поднимаю на него глаза, ощущая какой-то явный подвох.

– Попросил накормить мою беременную жену, – неопределенно пожимает плечами и отворачивается.

– Паша, – укоризненно тяну я и невольно напрягаюсь. Он не должен был этого говорить, не посоветовавшись со мной.

– Так безопаснее, – устало выдыхает и кивает на персонал, стоящий неподалеку. – Не нравится мне все это.

– Они же знают, что мы же живем в разных комнатах.

– Ну и что? Фамилия же у нас одинаковая. А там мало ли какие у нас причуды.

– Ну хорошо. Возможно, ты прав, – вынужденно соглашаюсь. В его словах есть логика. Может быть, действительно лучше, если для окружающих я буду женой такого медведя, как Павел. Вряд ли кто-то в здравом уме захочет с ним связываться.

Придвигает ко мне тарелку с кашей. Смотрю на нее, пытаюсь отыскать хоть жалкие крохи аппетита, но тщетно. Есть не хочется совсем. Тяжело вздыхаю и поднимаю на Павла глаза, умоляю об амнистии. Но он лишь качает головой.

– Ешь и поехали. Я корыто арендовал.

– Почему корыто? – нехотя набираю ложку и заталкиваю в рот. На вкус это еще хуже, чем на вид.

– Потому что машин нормальных здесь тоже нет.

– Так не Москва все-таки, – безразлично пожимаю плечами. Странно в такой глубинке искать комфорт. У людей на это просто нет денег. – Нам далеко ехать?

– Пару часов по трассе, а потом еще по полю неизвестно сколько.

Решив, что кашу я в себя не протолкну, отодвигаю тарелку и беру яичницу. Она хотя бы выглядит более съедобно. Аккуратно отрезаю вилкой кусочек и кладу в рот. Вполне вкусно, и рвотный рефлекс не появляется. Останавливаюсь на этом блюде.

– А ты почему не ешь?

– Я уже позавтракал. Мне надо отойти на пару минут.

– Конечно.

Павел поднимается на ноги, берет телефон и выходит из столовой. А я нехотя жую яичницу и думаю. Может, Паша прав? Зачем я сюда приехала? Чего хочу добиться, чего найти, а главное как? Ведь спасатели, вероятнее всего, прочесали каждый сантиметр земли.

Головой понимаю, что эта затея полный бред, но ничего не могу с собой поделать. Меня тянет сюда со страшной силой. Я должна быть здесь и увидеть все своими глазами. Даже не представляю, что будет, если подтвердится, что Иван погиб. Я не готова к этому. Не хочу принимать такую правду. Мне очень-очень страшно. Но и неизвестность не дает защиты, лишь погружает меня в беспросветную депрессию.

* * *

Павел уверенно ведет машину по трассе. Громкий гул дороги неожиданно успокаивает. Смотрю в окно на проплывающие мимо одноэтажные домики и пытаюсь ощутить энергетику этого места. Обычные деревни, местами заброшенные, но ничего сверхъестественного.

Паша сверяется с навигатором и сворачивает на проселочную дорогу. Еще совсем немного, и мы прибудем на место. Нервничая, но всеми силами стараюсь держать эмоции под контролем и не показывать, как мне страшно. Прикрываю глаза и глубоко дышу. Помогает. Паника ненадолго отступает, и даже удается задремать.

– Приехали, – будит меня голос Паши.

Открываю глаза и осматриваюсь. Практически голое поле, а чуть дальше оцепленная яркой полосой зона катастрофы. Нам, видимо, туда.

– Как ты? – заботливо спрашивает Павел и сжимает мою озябшую ладонь в знак поддержки.

– Все хорошо. Пойдем, – выдавливаю из себя робкую улыбку, хотя внутри все кричит от ужаса.

Паша помогает мне выбраться из УАЗика и ведет к огороженному периметру. Чем ближе мы подходим, тем сильнее ощущаются страх, боль и отчаяние. Все это ужасно, но я не чувствую здесь Ивана. Его нет среди всего этого безобразного хаоса.

Закусываю до боли губу и ныряю под ограждение. Передо мной выжженная земля, куски железа, какие-то обгорелые вещи. Глаза разбегаются, а сердце разрывается на части. Как же все это страшно...

Хватаюсь за обгорелый ствол дерева и часто дышу, чтобы пережить приступ внезапно накатившей тошноты. Этого еще не хватало.

– Вик? – Павел сразу же оказывается рядом и протягивает бутылку воды.

– Все нормально, – благодарно киваю и жадно пью из горлышка. Становится значительно легче.

– Я отойду, мне надо со спасателями поговорить...

– Хорошо. Я могу здесь походить?

– Думаю, да, они уже вроде закончили.

Павел уходит, а я медленно брожу по всему отмеренному периметру и пытаюсь найти хоть что-то, что может дать надежду или, наоборот, ее убить. Сдаваться рано, обязательно должно быть что-то.

Останавливаюсь и пытаюсь проанализировать. Здесь возвышенность. Скалы, о которые по одной из версий зацепился самолет. Рядом река и густой лес. Как случилась эта катастрофа и почему, пока официально не сообщают. Приходится только строить догадки. Результаты будут после полного расследования.

Единственное, что на данный момент установлено точно, – никто не выжил. На борту было всего десять человек. Какой-то частный самолет. Ванечка, ну что тебя дернуло полететь на нем? Знаю что... Тяжело вздыхаю и прикрываю глаза, чтобы сдержать непрошенные слезы. Он торопился ко мне. Знал, что я скучаю, места себе не нахожу, и хотел вернуться как можно раньше. Но не вернулся вообще. Как дальше жить, я пока не понимаю... Самолет взорвался еще в воздухе и разлетелся на мелкие куски по всей округе.

Прохожу дальше к обрыву и смотрю вдаль. Река петляет, огибает лес и исчезает за поворотом. Природа великолепная, аж дух захватывает. Если бы не обстоятельства, при которых я здесь оказалась...

Обнимаю себя руками и прикрываю глаза. Прохладный ветер треплет волосы, а в груди ноет от острой тоски. Набираю в легкие побольше воздуха и кричу в пустоту:

– Ва-неч-ка!

Ветер пронзает меня насквозь. Открываю глаза и судорожно хватаю ртом воздух.

– Вик, ты чего? – Паша оказывается за спиной. – Холодно же, – накидывает на плечи свою куртку и разворачивает к себе.

– Все хорошо, – виновато улыбаюсь. Ему не понять моих чувств.

– Пойдем со мной.

– Куда?

– К спасателям. У них есть информация...

Сердце обрывается, а руки начинают мелко дрожать. Вроде сама приехала за тем, чтобы узнать правду, но сейчас уже не уверена, что хочу этого. Надежда – последнее, что у меня осталось...

Титаническим усилием воли заставляю себя успокоиться. Зажимаю эмоции внутри и на негнущихся ногах иду за Пашей. Как на эшафот.

– Вот, смотрите, что мы нашли. – Мне показывают разложенные на белой материи обгорелые вещи. – Возможно, сможете что-то узнать?

Скольжу по ним лихорадочным взглядом и молюсь, чтобы не попало ничего, что смогу опознать. Но, видимо, сегодня у бога выходной, потому что замечаю знакомый предмет. Невольно покачиваюсь, но крепкие руки Павла помогают удержать равновесие. Холодный пот выступает на коже, а по позвоночнику ползут липкие мурашки.

– Это его чемодан... – указываю на обгорелый кусок. – Точнее, мой, но Иван взял именно его, потому что он меньше...

В голове рождается целый хоровод из воспоминаний. Как мы спорили, потом дурачились, когда укладывали в него вещи. Иван хотел вообще ехать с рюкзаком, но я уговорила взять чемодан. Спрятала в нем несколько записок с милыми нежностями. Прочитал ли он их? Наверное, нет. Даже не открывал этот чертов чемодан!

– Вы уверены?

– Абсолютно.

Голос мой срывается, а перед глазами все плывет. Осознание случившегося резко наваливается на меня, и сердце останавливается. Секунда, две – и темнота поглощает меня в свою бездну.

Глава 6

Иван

Вокруг тишина, слышно лишь пение птиц, шум ветра и реки. Хорошо и спокойно. Прикрываю глаза и пытаюсь сосредоточиться на своих воспоминаниях. Перед глазами вновь возникает образ жены. Четкий, ясный, до боли родной. Я смог восстановить ее лицо до мельчайших подробностей, каждую черточку, каждую веснушку. Сердце сжимается от тоски и желания увидеть ее, но мозг отчаянно сопротивляется и не выдает мне информации. Лишь жалкие обрывки, которые я никак не могу сложить в общую картину.

Откуда-то издалека до меня доносится женский голос. Пульс подскакивает до небес, а кожа покрывается мурашками. Вика? Вика! Это она зовет меня!

Распахиваю веки, оборачиваюсь и лихорадочно ищу источник звука. Но ничего необычного не вижу. Мне же не могло показаться? Опираясь на палку, поднимаюсь на ноги и делаю несколько шагов против течения реки.

– Вань, ты куда? – догоняет меня голос Насти. Вздрагиваю от неожиданности и разворачиваюсь. Откуда она взялась? Несколько секунд назад я был совершенно один.

– Ты это слышала? – хмуро смотрю на ее беспристрастное лицо.

– Что? – невинно хлопает глазами.

– Кто-то кричал.

– Может, птица, – равнодушно пожимает плечами, чем только выводит меня из себя.

– Я слышал! Женщина кричала, – упрямо объясняю, хотя в принципе уже понимаю, что ничего не добьюсь. Настя или правда не слышала, или у меня уже едет крыша.

– Вань, тебе показалось. Пойдем завтракать, – берет меня за локоть и тянет в обратную сторону.

– Я не хочу, – решительно выдергиваю свою руку. – Далеко до моста?

– Далеко. – Настя отходит к дереву, на котором я недавно сидел, и достает из рюкзака еду. – Километров десять...

– Мне надо туда.

– Ты не дойдешь, – протягивает мне бутерброд. – На, перекуси.

– Да не хочу я, – небрежно отмахиваюсь и от бессилия впечатываю кулак в ствол дерева. Бесят эта ситуация и собственная беспомощность. Но Настя права – я не осилю десять километров по пересеченной местности.

– Чего ты так распереживался-то? – Ее ладони ложатся на мои плечи и мягко массируют напряженные мышцы. – Пойдем.

Осторожно высвобождаюсь и иду обратно. Сажусь на дерево и закидываю больную ногу на здоровую.

Настя суетится вокруг, делая себе бутерброд и наливая чай из термоса. Протягивает мне одну чашку. Беру и делаю глоток. Горячий напиток стекает в желудок и приятно бодрит.

– А тут часто люди бывают? – спрашиваю я.

– Вообще не бывают. – Настя садится рядом. – Охотники изредка да браконьеры.

– И вы с Анисьей...

– Ну да, – выдавливает из себя улыбку. – Тебя что-то смущает?

– Нет, – с деланным равнодушием пожимаю плечами. – Просто интересно...

– Не доверяешь? – Она хитро прищуривается.

– Сложно доверять, когда сам себя не помнишь.

Отчасти говорю правду, но в то же время не собираюсь откровенничать. Нутром чувствую, что вокруг происходит что-то странное, но что конкретно, пока не могу уловить.

– Вспомнишь, куда ты денешься, – хмыкает и отворачивается, начиная копошиться в рюкзаке.

– Надеюсь.

– Ты совсем ничего не помнишь? – вкрадчиво интересуется Настя. Интонация сбивает с толку. Не могу объяснить почему, но говорить правду язык не поворачивается.

– Совсем, – отвечаю уверенно, умышленно скрывая свои куцые воспоминания.

– Хорошо, – тянет она задумчиво. – То есть плохо, – сразу же поправляется, но слишком поздно. Успеваю услышать главное. – Но ничего, бабуля травки тебе заваривает, скоро вспомнишь.

Делаю для себя определенные выводы и наблюдаю за тем, как Настя нервно начинает собираться. Поспешно складывает провиант в рюкзак, роняет его, не с первого раза надевает на плечи.

– Идти можешь? – кидает на меня быстрый взгляд.

– Могу.

– Тогда пойдём?

– Пойдем.

Обгоняет и идет вперед. Озадаченно двигаюсь следом и проматываю наш диалог в памяти. Где-то тут подвох. И я должен его найти как можно быстрее.

Лес постепенно редет, и на опушке показывается дом Аксины. Мне кажется или обратно мы шли гораздо быстрее? Чертовщина какая-то. Или Настя меня специально по лесу кругами водила? Не нравится мне все это... но высказывать свои предположения я не собираюсь. Надо понаблюдать за ситуацией и попытаться во всем разобраться.

– Что-то вы долго, – ворчит Аксиныя, встречая нас у забора. В ее глазах читаются недовольство и немой укор. Но направлены они на внучку.

– Заблудились немного. – Настя как ни в чем не бывало пожимает плечами и проходит в дом.

Аксиныя шаркает за ней, а я остаюсь на улице. Надо немного перевести дух и восстановить силы после «прогулки». Из головы не выходит тот женский крик, что я слышал. Точнее, я уже больше склоняюсь к тому, что физически ничего не слышал. Слишком дикие места в округе. Но эмоционально почувствовал. Это была моя жена. Она звала меня. Черт, как разобраться во всем?

Умываюсь холодной водой, чтобы немного прийти в себя, и присаживаюсь на хлипкую скамейку у дома под окном. Вытягиваю больную ногу, растираю напряженную мышцу и прикрываю глаза. Мысли улетают куда-то далеко. То ли в воспоминания, то ли в фантазии. Вика. Лукаво улыбается и взмахивает шелковистой шевелюрой. Та волнами спадает на обнаженные плечи. Красиво и волнительно, аж дыхание перехватывает. Хочу дотянуться, но она игриво бьет меня по рукам и качает головой.

– Папа, ты обещал! – Недовольный детский голос взрывается в уставшем мозгу, словно ядерная бомба.

Вздрагиваю от неожиданности и распахиваю веки. Тяжело дышу и лихорадочно мечусь взглядом впереди себя. Девочка. Дочь. У меня есть дочь. Лица не помню, но этот голос... капризный, требовательный. От него сердце взволнованно трепыхается в груди, а улыбка появляется на губах.

Моя семья где-то там. А я черт-те где! Пора выбираться из этой западни и искать их.

Хочу подняться на ноги, но в приоткрытое окно слышу голоса и замираю, превращаясь в слух.

– Ты что творишь, бестолочь? – отчитывает Настю Аксиныя.

– Что я сделала? – возмущается та.

– Куда ты его таскала?

Сразу смекаю, что разговор обо мне и невольно напрягаюсь.

– К реке...

– Зачем? – шипит бабка, начиная злиться.

Интересно, что ей так не нравится? Они обе явно от меня что-то скрывают.

– Он просил показать, где я его нашла...

– И что ты ему показала, дура? – Голос Аксиньи становится грубым и каким-то каркающим. Никогда ее такой не видел. Обычно спокойная, почти равнодушная ко всему старушка.

– Как и договаривались, место у коряги, – оправдывается Настя. А я чувствую подвох. Значит ли это, что то место, куда она меня привела, не имеет ничего общего с тем, что со мной случилось?

– Он что-нибудь вспомнил?

– Нет.

– Уверена?

– Абсолютно.

Что они задумали? Хочется вломиться и вытрясти из них всю правду, но сейчас я на это не способен. Слишком слаб еще для решительных действий. Нужно затихариться, ждать и пытаться вспомнить свою жизнь.

– И не догадался, что водишь его за нос? – стискиваю зубы, но не двигаюсь с места. Нельзя. Только хуже будет.

– Нет конечно.

– Смотри у меня. Очень влиятельные люди за него просили...

– Я помню.

Замираю. Сердце на мгновение останавливается и начинает колотиться с удвоенной силой. Просили? Получается то, что со мной случилось, не несчастный случай или что?

– Заваривай чай. Пришло время пить, а то действие травы закончится...

– Да, сейчас.

Ага, щаз. Вот это вы не угадали. Ничего я больше пить не собираюсь. Бесшумно поднимаюсь на ноги и отхожу от окна. Услышал достаточно. Теперь главное понять, как воспользоваться полученной информацией правильно.

Вот это я встрял в историю. Как теперь выпутаться?

Глава 7

Виктория

Темно. Страшно. Холодно. Лечу куда-то вниз, в неизвестность, и никак не могу остановить этот жуткий процесс. В голове бьется лишь одна мысль: «Его больше нет.» Отталкиваю ее всеми силами, но она настигает вновь. Пугает своей неотвратимостью и ясностью. Этого не может быть. Не может. Иван не мог вот так просто бросить меня.

Резкий толчок словно выталкивает меня на поверхность из-под толщи воды. Делаю глубокий вдох, легкие наполняются кислородом, но в груди все равно неприятно ноет.

– Вик, Вика, ты чего? – слышу взволнованный голос Павла, но сил открыть глаза просто нет. – Очухивайся, мать твою.

Меня снова подкидывает. Титаническим усилием воли заставляю себя открыть глаза. Вижу перед собой перепуганное лицо Павла. Белый, как полотно. Видимо, сильно испугался за меня.

– Я в порядке, – шепчу непослушными губами.

– С ума сошла так пугать, – облегченно выдыхает и качает головой.

– Я же не специально...

– Все нахрен, завязываем с твоими поездками, – рычит грозно. Подхватывает меня на руки и куда-то несет. – Домой! Первым же рейсом!

– Нет, Паш, – пытаюсь возразить, но сил отстоять свою позиции попросту не осталось. Я как выжатый лимон.

– Я все сказал. – Его губы превращаются в одну линию, а между бровей появляется складка. – Изначально была идиотская затея.

– Мы же ничего не выяснили, – слабо возражаю, хотя уже понимаю, что приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

– Мы выяснили достаточно. – Паша опускает меня на ноги около машины и распахивает заднюю дверь. – Залезай.

Послушно исполняю. В руках оказывается бутылка с водой. Благодарно киваю и делаю несколько жадных глотков.

Павел садится за руль и заводит двигатель.

– Тебе сейчас нужно думать о ребенке. Ты его угробить решила? – Через зеркало заднего вида в меня летит возмущенный взгляд.

– Конечно нет, – опускаю глаза. Он прав. Тысячу раз прав. Я не имею права подвергать риску своего малыша. Все это слишком тяжело для беременной женщины.

– Ну и все. Домой.

– Хорошо, – со вздохом соглашаюсь.

Дождается, пока я закрою бутылку, и нажимает на газ. Машина плавно трогается с места, но начинает качаться и подпрыгивать на кочках и ухабах.

Отворачиваюсь к окну. Не хочу больше разговаривать. Не могу. На душе очень неспокойно. Едва сдерживаю слезы. Вроде все понимаю и в то же время не хочу принимать.

Не получается считать Ивана мертвым. Ну никак. Я чувствую, что он жив. Это необъяснимо и непередаваемо. Но мое сердце словно находится в острых тисках ожидания. Это сумасшествие. Как я могу помочь ему или себе? Да никак. Я больше ничего не могу, кроме ждать, надеяться и верить в чудо. И я буду верить. Всегда.

* * *

Возвращение домой и возвращение к нормальной жизни не одно и то же. Стараюсь держать себя в руках и прячу боль поглубже внутри. Последние надежды рухнули, ищу смысл жизни в этих руинах. Тяжело. Больно. Страшно. Но у меня есть дети, ради которых я обязана справиться с утратой и научиться жить дальше.

Как ни странно, семья Ивана стала для меня поддержкой и опорой в эти непростые времена. Людмила Петровна очень помогает с дочкой, а братья Ивана не дают скучать. Особенно Павел. Часто звонит, чтобы узнать, как у меня дела. Приезжает и проводит со мной время, стараясь выдернуть в реальность. Я улыбаюсь и подыгрываю ему, делая вид, что получается, но стоит остаться одной, как тоска и безысходность набрасываются с новой силой.

Прошел уже целый месяц. Месяц без Ивана. Месяц бесконечной пытки и страданий. Больше не могу так. Медленно схожу с ума. Но смириться с гибелью мужа не получается. Не могу себя заставить в это поверить. Что-то не сходится в моем сознании. Для меня Иван по-прежнему жив, просто в командировке и без связи. Нужно просто потерпеть, и он вернется...

Наверное, я схожу с ума. Людмила Петровна предлагает сходить к психиатру, может, и правда дело в моей голове? Может, пора отпустить его?..

Трель дверного звонка разносится по дому и выдергивает меня из гнетущих мыслей. Отставляю давно остывший чай в сторону и поднимаюсь со стул.

– Мама, там дядя Паша приехал. – Нюся бежит вперед меня, но послушно останавливается около двери и ждет, пока я проверю. Она сильно изменилась за это время, будто повзрослела. Мне очень жаль ее, но сил, чтобы обеспечить беззаботное детство, просто не осталось.

Смотрю в глазок и действительно вижу Павла, что странно. Он не говорил, что сегодня заедет. Распахиваю дверь.

– Привет, – выдавливаю из себя улыбку. – Ты как здесь?

– Да вот мимо ехал, дай думаю заскочу... – хитро прищуривается и расплывается в улыбке.

Не верю ни единому слову. Складываю руки на груди и качаю головой.

– Неубедительно...

Павел лишь смеется и кивает на дверь.

– Пустишь?

Отхожу в сторону, освобождая проход и закрываю за ним дверь.

– Дядя Паша. – Нюся сразу же кидается к нему на шею.

Павел подхватывает ее на руки, подкидывает над собой и ловит. Нюся звонко смеется. Ее смех так странно звучит в нашем ставшем похожим на склеп доме и буквально отрезвляет меня. Приходит понимание, что я совсем закопалась в себе и своих переживаниях. А дочери нужна мать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.